

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Будякова Т.П. Виктимные свойства личности в пожилом возрасте // Психолог. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.4.43946 EDN: XYSMDU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43946

Виктимные свойства личности в пожилом возрасте

Будякова Татьяна Петровна

ORCID: 0000-0003-1739-837X

кандидат психологических наук

профессор, кафедра психологии и психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

✉ budyakovaelez@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология развития"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.4.43946

EDN:

XYSMDU

Дата направления статьи в редакцию:

02-09-2023

Аннотация: В научной литературе при изучении пожилого возраста особое значение уделяется феномену виктимности, но психологическое содержание этого феномена не изучено. Это затрудняет оказание эффективной психологической помощи пожилым людям, хотя они признаются специфическими жертвами по факту особой уязвимости к неблагоприятным факторам социальной среды. В эмпирическом исследовании были применены методы инверсивного и биографического интервью, а также содержательного контент-анализа. Участники исследования в количестве 120 человек – люди пожилого возраста в статусах предпенсионера (40 чел.); работающего пенсионера (40 чел.) и неработающего пенсионера (40 чел.). Было установлено, что виктимными свойствами пожилого человека можно считать виктимную жизненную позицию и виктимные установки, которые формируют содержание морального и социального вреда. Социальный вред в отношении пожилого человека можно трактовать как общественную позицию в отношении пожилых людей, которая в общественном сознании не квалифицируется как диффамация, но реально ставит пожилых людей в невыгодное, унизительное для них социальное положение обузы, малозначительных членов социума.

Как компонент морального вреда был выявлен специфический комплекс превосходства, специфичный для пожилого возраста. Выделенные аффективные личностные комплексы у пожилых людей разного статуса проявились в специфических маркерах, позволяющих их эффективно диагностировать и далее оказывать психологическую помощь.

Ключевые слова:

личность, жертва, пенсионный стресс, виктимные свойства личности, пожилой возраст, предпенсионеры, работающие пенсионеры, неработающие пенсионеры, личностные комплексы, комплекс жертвы

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00306, <https://rscf.ru/project/23-28-00306/> «Концептуальные основы функционирования и развития антивиктимной личности в пожилом возрасте».

В отечественной психологической литературе всплеск интереса к исследованию проблем пожилого возраста произошел в связи с пенсионной реформой в России 2018 года [2: 4]. Практическая актуальность таких исследований объяснялась реальным увеличением стрессовых факторов у предпенсионеров, которые рассчитывали на иные сценарии жизни, но фактически испытали фрустрацию в связи с крушением как тактических, так и стратегических жизненных планов. Подобная ситуация сложилась и в мировой науке, и в социальной практике других стран. Так, к примеру, большинство исследований пенсионного стресса в той или иной степени обусловлены фактами изменений национальных законодательств в сторону увеличения пенсионного возраста [26; 31].

Тем не менее феномен пенсионного стресса имеет и свои принципиальные, обусловленные возрастом свойства, вне зависимости от юридических решений. Качественная психологическая помощь и самопомощь, защита и самозащита в пожилом возрасте зависит от понимания сути глубинных стрессовых факторов при переходе в пенсионный возраст. При этом, на наш взгляд, в литературе явно недооценены детерминанты пенсионного стресса имеющие виктимологическую [1] природу.

Традиционно в виктимологии (учении о жертве), пожилые люди рассматриваются как более уязвимая категория потенциальных жертв в силу наличия именно фактора особого возраста, делающего пожилого человека более виктимным к негативным воздействиям, в частности, криминальной среды [1]. Установлена специальная виктимность пожилых людей в семье, они часто становятся жертвами семейного насилия [24]. Даже пожилые преступники, отбывающие наказание в виде лишения свободы, относятся в виктимологическом смысле к особо уязвимым жертвам. В связи с этим постулируется особое право пожилого преступника на безопасные условия содержания [27]. Специфика пожилого возраста позволяет изучать человека, пребывающего в нем, в широком виктимологическом контексте, как наиболее уязвимого к разным неблагоприятным аспектам социальной среды, а не только криминальных факторов.

Ключевой термин «жертва» в виктимологии раскрывается через категорию вреда, причиненного потерпевшему: физического, социального, имущественного и морального. При этом моральный вред, определяемый отечественным законодателем и большинством зарубежных национальных законодательств как физические и нравственные страдания, является не только самостоятельным видом вреда, но и последствием иных видов вреда

[5)]. Определение морального вреда через категорию страдания позволило уже с XIX века называть его в доктринальной правовой литературе психологическим вредом [3]. Отсюда вполне логично, что страдание как базовая психологическая категория была изначально заявлена в юридико-психологических исследованиях, чтобы создать теоретическую основу для практики проведения судебной психологической экспертизы по оценке степени и характера причиненных страданий (морального вреда) жертве правонарушения [15].

Психологические исследования далее показали, что стресс, особенно хронический, также является формой человеческих страданий [28]. Это позволило рассматривать категорию «страдание» как аналог стрессовых реакций, что, в свою очередь, дало возможность точнее определить психологическую природу феномена страданий [15].

Понятие страдание стало ключевым при выработке виктимологической концепции личности жертвы. Личность жертвы определяется в виктимологии как лицо в структуре личности которого присутствует комплекс жертвы, аккумулирующий страдания жертвы по факту причинения ей вреда и фактически являющийся ядром ее стрессовых состояний. Сам комплекс жертвы включает комплексы неполноценности, личностного образца, вины и потерянного авторитета, возникшие как продукты правонарушения [5]. Вместе с тем, сущность страданий пожилого человека в позиции жертвы практически не изучена.

Проблемы пожилого возраста в настоящее время рассматриваются в контексте психологии безопасности. Однако без понимания особенностей личности пожилого человека как потенциальной или реальной жертвы с ее особыми виктимологическими составляющими невозможно описать специфические механизмы обеспечения психологической безопасности. В силу этого психология безопасности также использует категорию жертвы [6; 9], что делает еще более актуальным поиск специфических виктимологических признаков личности пожилого человека.

В психологических исследованиях были обозначены некоторые личностные изменения при выходе на пенсию, которые имеют виктимологические корни, поскольку формируют комплекс жертвы. Речь идет, в частности, об изменении важных для человека профессионального и делового статусов, изменении привычного ритма жизни, сужении социального круга общения, уменьшении доступа к разным ресурсам, изменениях в доходах и др. Все это обуславливает снижение уровня самооценки [22], то есть создает почву для виктимизации пожилого человека, а страдания, вызванные этими факторами, формируют комплекс неполноценности, который является частью комплекса жертвы [5].

В научной литературе также выделяют физиологические последствия пенсионного стресса: риск сердечно-сосудистых заболеваний, ожирение и нарушение когнитивных функций [21], однако не рассматривают физиологические корреляты стресса как виктимологический продукт, хотя физиологические реакции – это, по сути, физические страдания.

Большое количество работ посвящено проблеме продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию и влияния этого фактора на психологическое здоровье, на снижение стресса и аккумулированных с ним страданий как физических, так и нравственных. Так отмечается, что продолжение трудовой карьеры уже в статусе пенсионера у представителей педагогических и творческих профессий напрямую обуславливает их психологическое благополучие [19]. Трудовая активность в сфере, где

требуется организованность и контроль, даже способствует снижению рисков деменции [30], и в целом выполняет защитную функцию в плане борьбы с одиночеством и обусловленным им стрессом [23]. Однако есть работы и с противоположным выводом о том, что именно работающие пенсионеры являются самой уязвимой категорией населения из-за страха потерять работу и поэтому имеют самый высокий уровень стресса [11]. Амбивалентность полученных данных свидетельствует о «размытости» критериев оценки пенсионного стресса.

В линейке этих исследований были описаны также страдания пожилого человека, обусловленные страхом потери смысла жизни, который до наступления пенсионного возраста составляла определенная профессия [19]. Эта часть изысканий проходит в рамках дискуссии о социальных и личностных смыслах выхода на пенсию и содержит прямой виктимологический контекст, поскольку, например, в Финляндии и Японии имеет место тенденция к маргинализации и унижению тех, кто не работает или не осваивает новые социально значимые компетенции в пожилом возрасте [25].

Вместе с тем, исследования показывают, что трудовая активность в пенсионный период должна быть дозирована [29], иначе начинает проявляться такой виктимологический фактор как физический вред здоровью и сопряженные с ним физические страдания.

В научной литературе закрепился термин геронтологический эйджизм, определяемый как унижающее достоинство отношение к людям пожилого и старческого возрастов [8], то есть по сути этот феномен имеет виктимологическую природу. Он обусловлен, в частности, социальными стереотипами, которые воздействуя опосредованно и часто бессознательно, причиняют страдания пожилому человеку, формируя у него самоощущения униженности, и как результат – позицию жертвы.

Обобщая можно утверждать, что изучение виктимологических аспектов пожилого возраста имеет научную актуальность. В частности, актуальным является изучение виктимных характеристик личности пожилых людей, без понимания сути которых затруднительно оказание им эффективной психологической помощи.

Традиционно в отечественной виктимологии используется термин «виктимность». В научный оборот его ввел основатель отечественной виктимологии Л.В. Франк. При этом Л.В. Франк, будучи юристом, вводя, по сути, психологическую категорию, дал ей обобщенное определение как способности человека становиться жертвой в определенных обстоятельствах [18]. В целом этот вариант определения сохранился до сих пор. Так, А.Л. Репецкая и В.Я. Рыбальская под виктимностью понимают «определенный комплекс стабильных типических социальных и (или) психологических (реже физиологических) свойств личности, которые в принципе могут подвергаться коррекции вплоть до их полнойнейтрализации (устранения) и которые обуславливают во взаимодействии с внешними обстоятельствами повышенную "способность" человека стать жертвой преступления» [14]. При этом, ни в вышеуказанном, ни в иных исследованиях практически не раскрывается, какие конкретно психологические свойства личности обуславливают виктимность.

Цель данного исследования: выявление и описание виктимных свойств личности пожилого человека у предпенсионеров, работающих и неработающих пенсионеров.

Методика исследования

Методы исследования: а) инверсивное интервью; б) биографическое интервью.

Методы обработки результатов исследования: метод описательной статистики и контент-анализ.

Материалы методик.

В качестве первой методики исследования было использовано авторское инверсивное интервью. Участники исследования – предпенсионеры должны были представить, что они уже достигли пенсионного возраста и им нужно спрогнозировать свою жизнь в новом статусе пенсионера. По ходу интервью фиксировались только негативные признаки пенсионного статуса, которые вызывали тревогу у респондентов.

Вопросы инверсивного интервью

Представьте себе, что Вы уже через месяц выйдете на пенсию.

1. Что может измениться в худшую сторону при выходе на пенсию и вызвать стресс?
2. Вы будете гордитесь или стесняться своего статуса пенсионера? Почему?

Биографическое интервью имеет большую научную ценность, чем обычные виды интервью, поскольку предполагает подтверждение своей позиции фактами из собственной биографии.

Вопросы биографического интервью с работающими пенсионерами

1. Почему Вы продолжили работу после выхода на пенсию?
2. Что изменилось в худшую сторону при получении статуса работающего пенсионера и вызывает стрессовые переживания?

Вопросы биографического интервью с неработающими пенсионерами

1. Что изменилось в худшую сторону после выхода на пенсию и ухода с работы и вызывает стрессовые переживания?
2. Вы гордитесь или стесняетесь своего статуса неработающего пенсионера?

Выборка: в исследовании приняли участие 120 человек, по 40 человек в каждой статусной группе (предпенсионеры, работающие пенсионеры, неработающие пенсионеры).

Гипотеза исследования: виктимными свойствами личности следует считать виктимную жизненную позицию и виктимные установки. При этом содержание как виктимной жизненной позиции, так и виктимных установок обусловлено социальным статусом: предпенсионера, работающего или неработающего пенсионера.

Результаты

В своем анализе мы использовали виктимологическую категорию вреда, когда ухудшение любого вида благополучия: физического, социального или психологического – осознается как вредоносное и провоцирует страдания. В виктимологии описано четыре вида вреда, претерпеваемого жертвой: физический, имущественный, социальный и моральный. Задачей исследования было описание содержания этих видов вреда, когда его причины сопряжены с изменением социального статуса в пожилом возрасте: предпенсионер, работающий и неработающий пенсионер. Мы исходили из того, что в

целом именно осознание претерпевания вреда формирует виктимную социальную позицию в пожилом возрасте.

Ниже в табл. 1 аккумулированы обобщенные суждения участников нашего исследования о вредоносных последствиях выхода на пенсию, способных вызывать страдания.

Таблица 1

Примерное содержание разных видов вреда

у людей пожилого возраста разного статуса

Вид претерпеваемого вреда	Примерное содержание вреда у предпенсионеров	Примерное содержание вреда у не работающих пенсионеров	Примерное содержание вреда у работающих пенсионеров
Имущественный вред	<ul style="list-style-type: none"> - отсроченная пенсия рассматривается как упущенная выгода; - ограничение прав на повышение квалификации или получении новой профессии сжигает возможность трудоустроиться в случае сокращения или перевода на долю ставки 	<ul style="list-style-type: none"> - изменение доходов в меньшую сторону рассматривается как ущерб; - траты на лекарства, медицинское и социальное обслуживание как продукт страданий из-за утраты трудового статуса; - меньший диапазон для маневра в материальном обеспечении своих желаний 	<ul style="list-style-type: none"> - отсутствие индексации пенсий рассматривается как неоцененный труд; - траты на лекарства и медицинское обслуживание в случае страданий из-за дискриминации по возрасту на работе
Социальный вред	<ul style="list-style-type: none"> - отсутствие преференций для предпенсионеров, в отличие от пенсионеров 	<ul style="list-style-type: none"> - отношение общества как к слабым, зависимым людям; - отнесение к самой ненужной категории граждан, обременяющих общество 	<ul style="list-style-type: none"> - подчеркивание возраста в общении и в оценке качества и количества труда

Физический вред	Снижение защитных функций организма из-за угрозы потерять работу перед пенсией	Снижение защитных функций организма из-за нарушения привычного режима жизни, включавшего ранее трудовую деятельность	Снижение защитных функций организма из-за угрозы потерять работу или снизить ее качество из-за фактора возраста
Моральный вред	- появление личностных комплексов, обусловленных статусом предпенсионера (подробнее см. табл. 2)	- появление личностных комплексов, обусловленных статусом не работающего пенсионера (подробнее см. табл. 2)	- появление личностных комплексов, обусловленных статусом работающего пенсионера (подробнее см. табл. 2)

Осознание объективных материальных потерь (имущественный вред) в связи с выходом на пенсию формирует виктимную жизненную позицию, основанную на переживаниях из-за снижения уровня материальной защиты и безопасности. При этом содержание виктимной позиции пожилого человека, как показывают наши данные, зависит от его статуса. Так, предпенсионеры испытывают страдания по факту отсроченной пенсии из-за изменения сроков выхода на пенсию, воспринимая это как упущенную выгоду. Работающие пенсионеры переживают из-за отсутствия индексации пенсий, рассматривая это обстоятельство как неоцененный труд, а неработающие переживают из-за изменения доходов в меньшую сторону, рассматривая это как материальный ущерб. Однако, все респонденты, независимо от статуса, фиксировались на позиции жертвы.

Факты физического старения организма (физический вред) также обуславливают формирование виктимной социальной позиции, в частности, из-за снижения защитных свойств организма, обусловленных в том числе, страхом потерять работу перед выходом на пенсию у предпенсионеров или физическими страданиями неработающих пенсионеров из-за нарушения привычного режима жизни, включавшего ранее трудовую деятельность.

Для психологического исследования наиболее значимыми являются социальный и моральный виды вреда, поскольку они имеют психологическую природу и в принципе обуславливают другие виды вреда: имущественный и физический.

Так, одним из видов вреда, причиняемого жертве, считается социальный вред. Социальным вредом в виктимологии признается вред в виде нарушения прав и законных интересов жертвы, когда она в силу объективных причин не может испытывать физических или нравственных страданий, как иные лица в тех же обстоятельствах. Так, например, при оскорблении младенец не испытывает страданий из-за унижения, так как не понимает смысл умаляющих его достоинство слов, хотя правом на честь и достоинство обладает с момента рождения [\[5\]](#).

При этом содержание социального вреда в отношении к пожилой жертве не изучено. Наше исследование показало, что данный вид вреда в ситуации пожилого человека

характеризуется тем, что социальное окружение не всегда осознает, что причиняет страдания жертве, поскольку не воспринимает свои действия или бездействия как вредоносные. В ходе биографического интервью были выявлены маркеры социального вреда в разных событиях частной жизни. К примеру, маркер социального вреда выступил в жизненной ситуации, когда мужчина, проходя мимо пожилых, занимавшихся спортом в парке и предложивших ему присоединиться к их занятиям, произнес унизившую их фразу: «Мне еще только 50 лет, пусть здесь старики занимаются». При этом мужчина, как оказалось, не хотел никого унижать, он реально хотел повысить уровень своего самоуважения: «Я не такой, как Вы, я лучше», полагая при этом, что люди пожилого возраста не должны обижаться на упоминания об их более низком социальном значении. Таким образом, суть социального вреда в ситуации пожилого возраста – это унижение, основанное на образе представителя серебряного возраста как немощного, обузы, и при этом в основе такого отношения лежит не личная неприязнь, а социальные стереотипы.

К социальному вреду наиболее сенситивными оказались неработающие пенсионеры, поскольку у них больше вариантов предстать в слабой позиции жертвы (12 маркеров, см.: диаграмму 1). Так, социальный вред имплицитно содержится в проявлениях эйджизма, когда социальные работники или медицинский персонал унижают жертву, не считая свои действия (бездействия) унижающими. К примеру, в одном биографическом воспоминании участник исследования рассказал, что ему насильно привязали руку к кровати в больнице, чтобы он не смог вынуть иголку из системы капельницы. При этом персонал мотивировал свои действия пользой для пациента. Другим вариантом социального вреда было, например, требование пропустить без очереди мать ребенка-инвалида в очереди в учреждении социальной защиты, когда в ней присутствовали одни неработающие пенсионеры. Аргумент был унизительным для пожилых: «ребенок более важен, чем все вы вместе взятые». На некоторых участников исследования произвел особое впечатление случай в Канаде, растиражированный в интернете, когда пожилому человеку вместо помочи предложили услугу по эвтаназии, поскольку респонденты идентифицировали себя с этим человеком. В целом это показывает, что в основе социального вреда, претерпеваемого пенсионерами, лежат социальные стереотипы, доминирующие как в российском обществе, так и в других странах [\[16; 17\]](#).

Менее всего социальный вред был выражен у работающих пенсионеров – 6 маркеров (см.: диаграмму 1). При этом он имел и несколько иное содержание. Кроме обид на подчеркивание солидного возраста, которые не доходили до границ стресса, работающие пенсионеры испытывали реальные стрессовые страдания из-за дискrimинации на работе, когда им предлагалось выполнять работу большей интенсивности, чем другим работникам. Они полагали, что уже прошли путь интенсивной работы в молодости и заслужили, чтобы их не перегружали в пенсионный период. При этом руководитель руководствовался правилом: «Не можешь работать – уходи!»

Диаграмма 1

Выраженность социального вреда

У предпенсионеров социальный вред формально был чуть более выраженным по сравнению с работающими пенсионерами (8 маркеров). Их страдания были дополнительно обусловлены ощущением несправедливости от того, что несмотря на то, что их статус позволял требовать равного права на труд, им напоминали, что они возрастные работники и менее нужны работодателю. Некоторые из них дополнительно испытывали социальный вред в ситуациях, когда, например, предпенсионерам отказывали в праве на повышение квалификации за счет работодателя, апеллируя к экономической неэффективности такой меры. При этом, как показывают исследования, потребность в дополнительном образовании или даже получении новой профессии, у возрастных обучающихся более осознана и прагматична [12].

Моральный вред, претерпеваемый пожилым человеком в контексте своего пенсионного или предпенсионного статуса, раскрывается в виде личностных комплексов, которые вкупе составляют «комплекс жертвы» [5].

Сравнение содержания личностных комплексов у людей пожилого возраста разного статуса важно для определения направлений психологической работы по их коррекции. Результаты такого сравнения представлены в табл. 2.

Таблица 2

Содержание личностных комплексов (морального вреда)

у людей пожилого возраста разного статуса

Вид личностного комплекса	Примерное содержание личностных комплексов у предпенсионеров	Примерное содержание личностных комплексов у работающих пенсионеров	Примерное содержание личностных комплексов у неработающих пенсионеров
Комплекс неполноценности (снижение самооценки)	- Я хуже, чем другие, потому что я в пожилом возрасте и во мне не видят перспективного работника	- Я хуже, чем другие, потому что я в пожилом возрасте и во мне не видят перспективного работника и хотят от меня избавиться	- Я не нужен обществу, я балласт, меня не уважают, я не интересен другим людям
Комплекс личностного	- Я никогда не буду больше	- Я - самый старший среди коллег, а когда-то был	- Я - не такой как другие, я

образца	<p>молодым;</p> <p>- мое будущее безрадостно, не хочется ничего планировать; ничего хорошего уже не будет</p>	<p>самым молодым.</p> <p>Неприятно, что мой возрастной статус подчеркивают особым обращением ко мне;</p> <p>- я не могу планировать свое профессиональное будущее, в этом нет смысла</p>	<p>старый, у меня морщины, я никогда не буду больше таким как был в молодости и зрелости;</p> <p>- я уже никогда никакому работодателю не буду интересен;</p> <p>- я никогда уже не реализую планы и желания молодости и зрелости в силу возрастных ограничений</p>
Комплекс потерянного (угрожаемого) авторитета	<p>- Почему я снова должен доказывать, что я нужен работодателю;</p> <p>- у меня большой опыт, я многое знаю и умею делать лучше, чем другие, но это обстоятельство игнорируется</p>	<p>- Я - первый на увольнение, независимо от моих трудовых и профессиональных способностей, поскольку нужно освобождать место молодым работникам</p>	<p>- У меня большой опыт, я многое знаю и умею делать лучше, чем другие, но это уже никому не нужно</p>
Комплекс вины	<p>- Я не виновен (не виновна) в том, что произошло повышение пенсионного возраста (контрпозиция)</p>	<p>- Я занимаю место, на которое претендует более молодой работник</p>	<p>- Ощущение вины за то, что вынужден просить других людей о помощи</p>
Комплекс превосходства	<p>- Я еще не пенсионер, как другие, поэтому я лучше их</p>	<p>- Другие в моем возрасте уже не работают, а я работаю;</p> <p>- я сам (сама) себя обеспечиваю и еще содержу своих родственников;</p>	<p>- Переоценивание своих прежних заслуг по сравнению с ныне работающими:</p>

	- все должны ценить мои прежние заслуги перед предприятием/учреждением	мне обязаны все помогать так как я заслужил (заслужила)
--	--	---

Как видно из таблицы 2 содержание различных личностных комплексов в целом составляют виктимные установки. Так содержанием комплекса неполноценности у предпенсионеров стала виктимная установка: «Я хуже, чем другие, потому что я в пожилом возрасте, и во мне не видят перспективного работника». Содержанием комплекса личностного образца у неработающих пенсионеров выступили такие установки как: «Я – не такой как другие, я – старый, у меня морщины, я никогда не буду больше таким как был в молодости и зрелости»; «Я уже никогда никакому работодателю не буду интересен»; «Я никогда уже не реализую планы и желания молодости и зрелости в силу возрастных ограничений». Комплекс потерянного авторитета проявился у работающих пенсионеров в общей виктимной установке: «Я – первый на увольнение, независимо от моих трудовых и профессиональных способностей, поскольку нужно освобождать место молодым работникам». Комплекс вины у неработающих пенсионеров зафиксировался в самом осознании вины за то, что приходится просить помощи у других людей.

Особенностью комплекса жертвы у пожилых людей по сравнению с типичным содержанием этого комплекса у жертв правонарушений стало обнаружение в его структуре комплекса превосходства. Типичной установкой этого комплекса у всех категорий пожилых людей стала виктимная установка – «Мне все должны!».

Обсуждение результатов

В нашем исследовании мы выявили маркеры личностных комплексов у пожилых людей. Комплекс превосходства у неработающих пенсионеров проявлялся в таких маркерах как: «постоянные воспоминания о времени, посвященном работе»; «переоценка своих трудовых заслуг»; «радости неудачам ныне работающих коллег», «претензии о невнимании к действующему руководству предприятия к нуждам неработающего пенсионера», «постоянная критика прежнего руководства» и др. Маркерами комплекса неполноценности у неработающих пенсионеров стали факторы, указывающие на снижение самооценки личности, например, «избегание общения с бывшими коллегами по работе», «желание сидеть дома, стесняясь своего нового статуса» и др. В литературе уже отмечалось, что у неработающих пенсионеров наблюдается некоторое обесценивание своих способностей и прожитой жизни [7], но маркеры, указанные выше, свидетельствуют о наличии выраженного аффективного комплекса неполноценности и, соответственно, о высокой степени стрессогенности этого фактора. При этом общим маркером комплекса неполноценности для всех статусов пожилого возраста выступил онтологический вопрос: «Зачем я живу?» Сама актуализация такого вопроса – показатель повышенной стрессогенности пожилого возраста.

Маркеры комплекса личностного образца проявлялись по-разному у мужчин и женщин. Комплекс личностного образца – это система аффективных переживаний по поводу невозможности соответствовать определенному образцу, на который ориентируется личность. Комплекс личностного образца описан в криминальной виктимологии для случаев, когда жертва из-за совершенного в отношении нее преступления уже никогда не сможет соответствовать выработанным для себя стандартам будущего. Так, обезображивание внешности или лишение конечностей как результат тяжкого вреда здоровью навсегда лишают жертву возможности соответствовать определенным

стандартам привлекательности [5]. Для пожилых людей объективным фактором, уменьшающим шансы на соответствие личностному образцу, является сам процесс старения как объективная причина, которой нельзя противостоять.

Маркерами комплекса личностного образца стали, например, факты подбора фотографий для документов, удостоверяющих личность. Некоторые женщины-респонденты рассказали в биографическом интервью, что они старались выбрать более молодые фотографии для загранпаспорта или для заставки в социальных сетях, не желая использовать свой нынешний внешний облик, отказывались общаться по скайпу без нанесения макияжа и др. В интервью отмечалось, что им стало трудно озвучивать свой возраст даже врачу, некоторые решились на болезненные процедуры по коррекции внешности, например, нанесения тату-бровей. Этот же процесс проявился и у мужчин, но в скрытой форме, у них появилась навязчивая потребность подтверждать свою мужскую привлекательность в беседах с женщинами, а некоторые старались одеваться как юноши.

Комплекс потерянного (угрожаемого) авторитета был впервые описан Я. Рейковским [13]. В отношении пожилых людей этот комплекс проявляется как аффективные переживания из-за унижения их профессионального и личного авторитета. Общей формулой аффективно заряженных мыслей, составляющих этот комплекс у неработающих пенсионеров, были следующие: «У меня большой опыт, я многое знаю и умею делать лучше, чем другие, но это обстоятельство игнорируется». Маркерами проявления этого комплекса у неработающих пенсионеров были факты, когда они выполняли свою профессиональную работу для себя, понимая, что их труд не будет востребован. Некоторые респонденты отмечали, что им катастрофически не хватает профессионального общения и профессиональной оценки, страдали, что к ним никто не обращается за советом и профессиональной помощью.

Комплекс вины – парадоксальный, но типичный комплекс жертвы. Он заключается в самообвинении жертвы в происходящем и часто является продуктом обвинений жертвы со стороны окружающих людей. Вина жертвы – одна из базовых категорий виктимологии [10], а в современной позитивной виктимологии даже используется как способ психотерапии [20]. Как показало наше исследование, у пожилых людей этот аффективный комплекс проявляется в таких аффективно заряженных мыслях как: «Я не виновен (не виновна) в том, что произошло повышение пенсионного возраста» (у предпенсионеров) как защита от внешних обвинений на требование предоставить работу. У неработающих пенсионеров это ощущение вины за то, что они часто вынуждены просить других людей о помощи; у работающих пенсионеров этот комплекс проявился в переживаниях, вызванными обвинениями коллег за то, что они занимают место, которое могли бы занять молодые работники. Из-за стресса, вызванного такими обвинениями, некоторые работники пенсионного возраста, участвовавшие в нашем исследовании, даже предпочли уволиться, хотя очень дорожили своей работой и любили свою профессию. Работающие пенсионеры либо успешно борются с аффективными мыслями такого рода, либо увольняются. Отсутствие этого комплекса у ряда наших респондентов-предпенсионеров объясняется их контрапозицией – «Я не виноват (не виновата) в том, что увеличили пенсионный возраст».

Выводы

1. К виктимным свойствам личности следует отнести виктимную социальную позицию пожилого человека и виктимные установки. Содержание как виктимной жизненной

позиции, так и виктимных установок обусловлено статусом пожилого человека: предпенсионер, работающий пенсионер и неработающий пенсионер.

2. Виктимные установки фиксируются в специфическом содержании аффективных личностных комплексов у пожилых людей в соответствие с их текущим социальным статусом: предпенсионера, работающего и неработающего пенсионера.

3. Можно говорить о специфике содержания комплекса жертвы у пожилых людей. Кроме типичных аффективных личностных комплексов, образующих комплекс жертвы у пострадавших от правонарушений, был выявлен личностный аффективный комплекс превосходства, содержанием которого являются эффективно заряженные мысли о превосходстве пожилого человека над представителями других возрастов.

4. Выявлены маркеры типичных личностных комплексов в пожилом возрасте: комплекса неполноценности, комплекса личностного образца, комплекса угрожаемого авторитета, комплекса превосходства, комплекса вины, что позволяет их успешно диагностировать и далее предметно оказывать психологическую помощь.

5. Виктимная социальная жизненная позиция в пожилом возрасте является отражением в сознании разных видов вреда, причиняемого пожилому человеку как специфической жертве: имущественного, физического, социального и морального.

6 . Было выявлено специфического содержание социального вреда, претерпеваемого пожилыми людьми как страдания от унижений, основанных на образе представителя серебряного возраста как немощного, обузы. При этом в основе такого отношения лежит не личная неприязнь, а социальные стереотипы.

[\[11\]](#) Victim (лат.) – жертва.

Библиография

1. Абакумова О.Н. Виктимологическая профилактика насилиственных преступлений, совершаемых в отношении женщин пожилого возраста // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 8-2. С. 213–217.
2. Ахильгова М.Т. Формы преодоления стресса, вызванного выходом на пенсию // Гуманизация образования. 2018. № 3. С. 87–92.
3. Беляцкин С.А. Возмещение морального (неимущественного вреда). Москва: Городец, 1997.
4. Березина Т.Н. Пенсионный стресс – как психофизиологический феномен // Психология и психотехника. 2019. № 4. С. 15–27.
5. Будякова Т.П. Виктимологические аспекты правового института компенсации морального вреда. Москва: Юрлитинформ, 2016.
6. Зотова О.Ю., Тарасова Л.В., Карапетян Л.В. Психологическая безопасность пожилых людей // Ярославский педагогический вестник. 2019. №5. С. 88–98.
7. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Ресурсы психологической безопасности личности в зависимости от трудового статуса пенсионера // Успехи геронтологии. 2018. №1 (31). С. 39–45.
8. Колпина Л.В. Возрастная детерминация эйджизма социальных и медицинских работников // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 5(37). www.sisp.nkras.ru
9. Литвинова А.В. Психологическая безопасность личности как ресурс биopsихологического возраста // Человеческий капитал. 2020. № 12 (144). С. 166–176.
10. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. Санкт-Петербург:

- Питер, 2013.
11. Прокопец И.О. Особенности эмоционального состояния и психологическое благополучие мужчин и женщин пенсионного возраста с разным рабочим статусом: дис... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2017.
 12. Пронина А.Н., Будякова Т.П. Лишаев С.А. Философия возраста (возраст и время). СПб.: Алетейя, 2022. 512 с. // Человек. 2022. № 6 (33). С. 178–183. <https://doi.org/10.31857/S023620070020534-4>
 13. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. Москва: Прогресс, 1979.
 14. Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология. Иркутск, 1999.
 15. Романов В.В., Котлярова Л.Н. Юридическая психология. Москва: Юрайт, 2023.
 16. Романычев И.С. Социальные стереотипы в отношении пожилых: противоречия и тенденции // Социология и жизнь. 2013. № 1. С. 64–68.
 17. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–55.
 18. Франк Л.В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972.
 19. Babic B., Mairitsch A., Mercer S. et al. Late-career language teachers in Austria and the UK: Pathways to retirement // Teaching and Teacher Education. 2022. No (113). 103686. DOI: 10.1016/j.tate.2022.103686
 20. Bensimon M. Victimization in light of self-compassion: Development towards communal compassion // Aggression and Violent Behavior. 2017. 7 (35). P. 44-51. DOI: 10.1016/j.avb.2017.06.002
 21. Byrne D., Kwak D.W., Tang K.K., Yazbeck M. Spillover effects of retirement: Does health vulnerability matter? // Economics & Human Biology. 2023. No 1 (48). 101211. DOI: 10.1016/j.ehb.2022.101211
 22. Chen S., Geldsetzer P., Bärnighausen T. The causal effect of retirement on stress in older adults in China: A regression discontinuity study // SSM – Population Health. 2020. No 4 (10). 100462. DOI: 10.1016/j.ssmph.2019.100462
 23. Chiao C., Kuo P-H., Li D-C., Hu S.C. The changes in feeling of loneliness after retirement among baby boomers and pre-boomers in Taiwan: Do work-family conflict before retirement and social engagement after retirement matter? // SSM – Population Health. 2022. No 12 (20). 101264. DOI: 10.1016/j.ssmph.2022.101264
 24. Guedes D.T., Alvarado B.E., Phillips S. et. al. Socioeconomic status, social relations and domestic violence (DV) against elderly people in Canada, Albania, Colombia and Brazil // Arch Gerontol Geriatr. 2015. No 3 (60). P. 492–500. DOI: 10.1016/j.archger.2015.01.010. Epub 2015 Jan 24.
 25. Ishikawa M. Media portrayals of transitions from work to retirement in two ageing societies: the case of ageing baby boomers in Japan and Finland // Journal of Aging Studies. 2022. No 9 (62). 101062. DOI: 10.1016/j.jaging.2022.101062
 26. Rybtsov S., Berezina T. The Retirement stress increases biological age: searching stress-induced inflammatory and immunosenescence factors of biological aging acceleration // Experimental Hematology. 2020. No 8 (88). P. S78. DOI: 10.1016/j.exphem.2020.09.137
 27. Sadiq S. Experiences and Needs of Older People in Prison // International Journal of Innovative Studies in Sociology and Humanities (IJISSH). 2019. No 4 (6). P. 119-126.
 28. Seaward B.L. Managing stress: Principles and strategies for health and well-being. Colorado: Jones & Bartlett Learning, 2017.
 29. Sousa-Ribeiro M., Persson L., Sverke M., Lindfors P. Approaching retirement: A qualitative study of older nursing assistants' experiences of work in residential care and late-career planning // Journal of Aging Studies. 2022. No 3 (60). 100994. DOI: 10.1016/j.jaging.2021.100994
 30. Tan X., Åkerstedt T., Wang H.-X. Sleep moderates the association between stress at

work and incident dementia: study from the Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe // Sleep Medicine. 2022. No 12 (100). P. S8–S9. DOI: 10.1016/j.sleep.2022.05.038
31. Zhu R., Onur I. (2023). Does retirement (really) increase informal caregiving? Quasi-experimental evidence from Australia // Journal of Health Economics. 2023. No 1 (87). 102713. DOI: 10.1016/j.jhealeco.2022.102713

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тематика данной статьи в современных условиях очень актуальна, как в практическом, так и в теоретическом отношении. Связано это с тем, что научных исследований проблем виктимности в отношении лиц старших возрастов (в нашей стране) явно недостаточно. Практические аспекты виктимности проявляют себя, как правило, только при необходимости проведения психолого-психиатрических экспертиз. Хотя виктимность лиц старших возрастов может быть предметом практического психологического консультирования. То есть, актуальность очевидна и сомнений не вызывает.

Об этом отмечается и в самой статье, когда автор пишет, что феномен пенсионного стресса имеет и свои принципиальные, обусловленные возрастом свойства, вне зависимости от юридических решений. Качественная психологическая помощь и самопомощь, защита и самозащита в пожилом возрасте зависит от понимания сути глубинных стрессовых факторов при переходе в пенсионный возраст. При этом, по мнению автора, в литературе явно недооценены детерминанты пенсионного стресса имеющие виктимологическую природу.

Соответственно, целью данного исследования определено выявление и описание виктимных свойств личности пожилого человека у предпенсионеров, работающих и неработающих пенсионеров.

Стиль изложения текста научно-исследовательский. Автор умело анализирует литературные данные, делает правильные умозаключения, предлагает к рассмотрению результаты собственных исследований. Анализ литературных данных выполнен критическим образом, что можно отнести к достоинствам статьи.

Приводятся сведения о том, что ключевой термин «жертва» в виктимологии раскрывается через категорию вреда, причиненного потерпевшему: физического, социального, имущественного и морального. При этом моральный вред, определяемый отечественным законодателем и большинством зарубежных национальных законодательств как физические и нравственные страдания, является не только самостоятельным видом вреда, но и последствием иных видов вреда. Определение морального вреда через категорию страдания позволило уже с XIX века называть его в доктринальной правовой литературе психологическим вредом.

Понятие страдание стало, по мнению автора, ключевым при выработке виктимологической концепции личности жертвы. Личность жертвы определяется в виктимологии как лицо в структуре личности которого присутствует комплекс жертвы, аккумулирующий страдания жертвы по факту причинения ей вреда и фактически являющийся ядром ее стрессовых состояний. Сам комплекс жертвы включает комплексы неполноценности, личностного образца, вины и потерянного авторитета, возникшие как продукты правонарушения. Вместе с тем, сущность страданий пожилого человека в позиции жертвы практически не изучена.

В психологических исследованиях были обозначены некоторые личностные изменения при выходе на пенсию, которые имеют виктимологические корни, поскольку формируют

комплекс жертвы. Речь идет, в частности, об изменении важных для человека профессионального и делового статусов, изменении привычного ритма жизни, сужении социального круга общения, уменьшении доступа к разным ресурсам, изменениях в доходах и др. Все это обуславливает снижение уровня самооценки, то есть создает почву для виктимизации пожилого человека, а страдания, вызванные этими факторами, формируют комплекс неполноценности, который является частью комплекса жертвы.

Литературные сведения, которые автор анализирует, позволяют представить принципы и предположения, которыми руководствуется автор при проведении исследования.

В частности, по его мнению, виктимными свойствами личности следует считать виктимную жизненную позицию и виктимные установки. При этом содержание как виктимной жизненной позиции, так и виктимных установок обусловлено социальным статусом: предпенсионера, работающего или неработающего пенсионера. Так сформулирована гипотеза данного исследования и рецензент с ней согласен.

Так, одним из видов вреда, причиняемого жертве, считается социальный вред. Социальным вредом в виктимологии признается вред в виде нарушения прав и законных интересов жертвы, когда она в силу объективных причин не может испытывать физических или нравственных страданий, как иные лица в тех же обстоятельствах.

Структура работы в целом соответствует общепринятым требованиям к научным публикациям по психологической тематике.

Содержание статьи свидетельствует об умении излагать полученные данные логическим образом. Представленные данные позволяют понять, что в основе социального вреда, претерпеваемого пенсионерами, лежат социальные стереотипы, доминирующие как в российском обществе, так и в других странах. Установлено, что особенностью комплекса жертвы у пожилых людей по сравнению с типичным содержанием этого комплекса у жертв правонарушений стало обнаружение в его структуре комплекса превосходства. Типичной установкой этого комплекса у всех категорий пожилых людей стала виктимная установка – «Мне все должны!».

Интересными можно считать данные о виктимных маркерах. Так, были выявлены маркеры личностных комплексов у пожилых людей. Комплекс превосходства у неработающих пенсионеров проявлялся в таких маркерах как: «постоянные воспоминания о времени, посвященном работе»; «переоценка своих трудовых заслуг»; «радости неудачам ныне работающих коллег», «претензии о невнимании к действующему руководству предприятия к нуждам неработающего пенсионера», «постоянная критика прежнего руководства» и др. Маркерами комплекса неполноценности у неработающих пенсионеров стали факторы, указывающие на снижение самооценки личности, например, «избегание общения с бывшими коллегами по работе», «желание сидеть дома, стесняясь своего нового статуса» и др.

В статье имеются выводы, которые систематизированы и в утвердительной форме отражают полученные результаты по выявлению и описанию виктимных свойств личности пожилого человека у предпенсионеров, а также работающих и неработающих пенсионеров.

Библиографический список включает источники по теме исследования.

Данную статью можно рекомендовать к опубликованию в научном журнале, как представляющую интерес для читающей аудитории.